

Таня Белоконская

Невротички

Таня Белоконская

Невротички

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Белоконская Т.

Невротички / Т. Белоконская — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Что будет, если родить ребенка "для себя"? А если дать кому-то жизнь по медицинским показаниям? Или выносить, ибо аборт - это неприлично? Ребенок никогда не узнает, что такое быть любимым. Как эта психологическая аксиома выглядит в реальной жизни - в телефонных разговорах, общении на кухне, отношениях в семье? Роман "Невротички" - история о трех поколениях женщин, не знавших маминой любви, но которые отчаянно жаждали стать счастливыми. Получилось ли?

© Белоконская Т., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

ЧАСТЬ 1

Жила-была девочка. Серьезная, образованная, в голове – медицинская энциклопедия.

Девочка мечтала быть доктором, но выучилась на инженера. Врачебные же навыки испытывались на родных и близких. Уцелеть удалось лишь бывшему мужу. Тот не разделял стремление его вылечить, оздоровить, осанаторить и опрофилактить самостоятельно диагностируемые страшные болезни. Бежал быстро и безвозвратно, оставив на память совместного ребенка.

Девочка осталась с бушующим океаном нерастраченной энергии и заботы, требующей незамедлительной имплементации, и звериным страхом одиночества.

Она активно заботилась о маленькой дочери. Та вечно кашляла, чихала, трудно дышала, криво ходила, картавила и плакала от лекарств, витаминов, дождя и ветра. Летом ее наряжали в сарафан, колготы и хустку, чтобы не продуло. В 19 она тайно от матери прекратила болеть, вышла замуж и улетела жить на другой континент, о чем сообщила матери по скайпу.

Следующим кандидатом на заботу была старенькая мама, у которой девочка диагностировала гипертонию, бессонницу, сердечную аритмию, сезонную аллергию на пух тополей и дополнительное количество женских возрастных болезней, возникающих от «при такой скучной жизни надо хоть поболеть».

Маму лечили как могли. Больницы, анализы, компрессы, банки, травы, заговоры, непройденная комиссия по инвалидности. Последнее так разочаровало маму, что изрядно поношенный организм предпринял удачную попытку умереть от инфаркта. В 102 года.

Дочь сбежала, замуж девочка не вышла, собаку не завела, мама улетела на небо. Для кого теперь жить?

Из кабинета доктора она вышла с листиком, на котором был записан онкологический неоперабельный диагноз. Поставлена печать.

Она не спрашивала, сколько осталось. Она больше никогда не останется одна. С ней до конца будет ее опухоль.

Ибо?

Страх имеет цену. Каждый платит свою.

Рождению маленькой Зои особо не радовались. Вторая дочь состоялась появлением лишь по причине маминых проблем с репродуктивной системой. А как может быть иначе после трех неудачных беременностей подряд?

Вторым должен был родиться мальчик, о чем мама Мария Ивановна узнала после преждевременных родов на 17 неделе. За мертвым сыном сильно не убивалась, некогда было тужить и плакать – хозяйство, работа, маленькая дочь. Третья и четвертая беременности сорвались на ранних сроках, а пятая дивным образом сохранилась.

Ладно, родилась – живи уже. Отношение соответственное – в семье была дочь и... просто сестричка.

Настоящим и долгожданным ребенком была Верочка, над которой мама пыхтела с утра до ночи и сильно любила. Каждая прихоть, вздох или слезы воспринимались мамой как собственные желания, потребности или страшные болезни. Создавалось впечатление, что мать и дочь каким-то магическим образом сплелись ментально, вследствие чего образовалась одна душа в двух телах – маленьком и большом. Разорваться душе невозможно, отчего Верочка все время была рядом с мамой, под присмотром и руководством.

Роды были тяжелыми. Мария Ивановна корячилась от невыносимых болей в миллиард миллионов раз сильнее, нежели человек, которому отпиливают ногу без наркоза и по кусочкам несколько суток. Выдохшаяся и непомнящая себя женщина, услышав плач ребенка, наконец позволила себе потерять сознание на десять минут. Это время было последним отдыхом

матери, которая, очнувшись от послеродового забвения сознательности, больше не позволяла себе в жизни расслабляться.

Верочка часто болела. Мама сравнивала ее милую физиономию с бледным ангелом-инвалидом, нуждающимся в помощи и руководстве по причине естественного бессилия и некоторого слабоумия. Поэтому эпитеты типа «малохольная» и «дурнуватая» сопровождали близкие и не очень беседы мамы и дочери постоянно. Верочка не воспринимала дурно мамины слова, ведь в доме царил атмосфера восхищения и нечеловеческого трепета перед этой маленькой слабенькой девочкой. Доча с рождения четко знала, что мама потрындит, но любить не перестанет. Поэтому после того как девочка научилась членораздельно отвечать на вопрос «Как тебя зовут?», окружающие изумленно слышали тихое, но ощутимо графское: «Принцесса».

–

Кто мамина красавица? – заплетая косичку перед школой, спрашивала влюбленная в «свое отражение» мама.

–

Я!

–

Кто самая необыкновенная девочка на свете?

–

Я! – еще громче, нежели в первый раз, чтобы наверняка услышали, выкрикивала маленькая Вера, тайно поглядывая на притулившуюся к дверному проему «все-таки родившуюся» Зою. Та молча наблюдала за любовной мелодрамой между двумя барышнями, одной из которых нечеловечески завидовала, а другую, что постарше, хотела взять и унести на руках подальше от всех, чтобы та принадлежала только ей. Верочка вдыхала полной грудью свое превосходство над сестрой, мама же делала вид, что ничего не происходит. Это напоминало семейную трагикомедию, в которой главных героев три – она, он и еще одна «она», и обе принадлежат ему. Первую он не любит, но уйти не может по долгу совести. Без второй жить не может, но отдаться полностью тоже нельзя, потому что должен первой. Обе ненавидят друг друга, но терпят без перспектив забрать взрослого человека, сделавшего такой циничный выбор.

Верочка обладала огромными голубыми глазами, белокурыми кудрявыми волосами, хрупкой фигуркой с изящными полупрозрачными пальчиками и длинными стройными ножками, на которой любая драная сельская фуфайка смотрелась вечерним туалетом. Весь этот комплект из идеальных человеческих органов, функций и внутренних атрибутов а-ля «красота души» вселяли в маму надежду, что девочка превратится в красивую женщину, которой судьбой уготовано что-то прекрасное и удивительное.

Природные данные подкреплялись восхищенными взглядами Марии Ивановны и комплиментами вперемешку с мелкими ругательствами за такого же уровня оплошности идеального ребенка, которые нивелировались Верой пониманием того, что жизнь у нее удалась и она действительно самая красивая, умная и достойная в этом мире. Вырасти кем-то ниже «Мисс Вселенная» у нее не было шансов, особенно на фоне подчеркнутой маминой нелюбви к младшей сестре. У девочки действительно была невероятная способность соответствовать портрету идеального ребенка – она никогда не приходила домой в испачканном платье после прогулки с соседскими ребятами, не шумела, мешая маме, не часто плакала и даже кашляла во время бронхита как-то тихо, не по-большому и не по-детски. Клеем пальцы не склеивались, пластилин на пол не падал и не растаптывался ногами, стаканы, даже нечаянно, вдребезги не разбивались, зеленые сопли аккуратно высмаркивались в белый как снег платочек, а дефицитные колготы не знали дыр. Этот волшебный ребенок не требовал много внимания в свободное от болезней время – Вера любила тишину и уединение и могла часами сидеть вышивать, тихонько рисовать или шить куклам наряды. А с фантазией и эстетикой у девочки складывались тесные конструктивные отношения – все девочки округи носили лоскутки и рваные вещи, чтобы та масте-

рила неповторимые платья, юбочки и кардиганы для кукол, которых на все село насчитывалось три. Одна имелась у Верочки, остальные по очереди передавались подружкам. Кто был изначальным собственником старых грязных кукол – неизвестно, но наряды для них девочка расшивала что надо. Усаживаясь на древний скрипучий диван доисторического происхождения, Верочка раскладывала лоскутки тканей, которые поочередно прикладывала к «модели», чтобы лучше подобрать цветовые сочетания потенциальных сарафанов или кофточек. Она находила маленькие перламутровые пуговицы, вышивала цветные узоры нитками мулине, оставшимися после прабабки, проделывала модные дырочки на рукавах. Верочкиным ноу-хау было вырезать цветные тканевые узоры с одного лоскутка и пришивать к другому кусочку, в результате чего получалось пальто или блузка «с уникальным рельефом».

В эти моменты творчества из старых обносков девочка оказывалась в каком-то ином мире, где не существовало ничего, кроме ее вдохновения и образа, который только предстоит воплотить в жизнь. Там играла волшебная музыка, которую девочка периодически бубнела под нос во время исполнения заказа на обновление гардероба для куклы Маши или Светланы Николаевны. Последнюю дети называли в честь вечно недовольной соседки за сходство в отсутствии половины волос на голове. Обе лишились их по причине старости. Надевая на Светлану Петровну новое платье, она из старой корявой и вопящей старухи превращалась в милую девочку, которой нравится жизнь, и она затыкает ненадолго свой черный рот.

И как же такую девчушку не любить-то? За что, если не за что?

В общем, о ее неземном происхождении, по типу божественного нисхождения богини в человеческую семью, как Иерусалимского огня, мама думала без шуток. Верочкино инопланетное прибытие подтверждалось еще и тем фактом, что ребенок был совершенно не похож ни на одного из родителей, смуглых черноглазых классических западнцев с рабочими руками и практичными мозгами. Словно в семье из ниоткуда появился огромный розовый слон и настолько освоился, что мыслей о том, что это африканское животное и ему место минимум в столичном зоопарке, а максимум – в каком-нибудь экспериментариуме в Чикаго по выведению цветных животных, никому не приходила в голову – ни домочадцам, ни соседям-сплетникам, ни местным властям, следящим за каждым индивидом сквозь наглухо закрытое темными шторами окно хатки-мазанки.

А между тем, все село восхищенно наблюдало за Верочкиным взрослением, и мамы мальчиков втайне надеялись, что однажды та станет их невесткой. Предложить Вере в качестве жениха у основной массы близ живущих было некого – любимые сыновья, постарше и помладше, в качестве социального статуса обладали лишь унаследованными генами сельских алкашей, тунеядцев и прочего сумасброда плебейской наружности.

Верочкины родители, видная пара сельских учителей, пользовалась глубоким уважением местных жителей. Отношение окружающих смахивало на идолопоклонничество – соседи всегда здоровались первыми, ребятишки возраста детсада мчали навстречу и галдели о том, что пойдут в школу и будут учиться исключительно на пятерки, даже облезлые и престарелые транзитные дворняги ели с рук у педагогической четы, в то время как остальной люд насыпал домашние объедки в вонючие сколотые тарелки. Не скажешь, что односельчане уж больно любили родителей Веры, скорее, чувствовали обыкновенную человеческую зависть. Признать, а тем более свободно выразить разрушительное чувство не представлялось возможным в советские времена, когда нельзя было выразить что-то неподобающее и не утвержденное партийным советом, пусть и местного масштаба, поэтому соседи мило улыбались и обсасывали кости учителям по-тихому. Отношения в семье были высокими. В обход сельским традициям, в доме Веры голос не повышался никогда. Может, голосовые связки требовали медицинского обследования, а, возможно, люди умели находить общий язык без скандалов и выедания мозгов домочадцам. Любовь папы Назара Алексеевича к маме была всепоглощающей – мужчина откуда-то знал, что носить тяжелые ведра с питьевой водой, набранной в колодце за два кило-

метра от дома, и замес цемента для кладки плитки у кухонной плиты – дело неженское. Кроме того, привычные для многих бранные словечки, рукоприкладство и уход в запой в режиме «сутки через трое» – были не просто табуированы, но даже немислимы, чтобы впоследствии затабуировать.

Не видеть, как на самом деле окружающие относятся к этой семье было невозможно. Это будто сидишь в многолюдной комнате среди незнакомцев, но кожей ощущаешь, как тетка с рыжей отхимиченой паклей на голове и отросшими черными как уголь корнями, тихо ненавидит из-за того, что на твоей голове достаточное количество собственных густых волос естественно русого цвета. Поэтому в селе у Марии Ивановны подруг не было, да и Назар Алексеевич с местными мужиками не водился.

Мама в сельской школе преподавала украинский язык и литературу, папа – математику. Интеллигентная семейная пара с двумя детьми жила как отшельник в лесной землянке, который добровольно отказался от благ цивилизации, потому что уровень этой самой цивилизации малехо не дотягивает до хоть как-то приемлемых стандартов.

Мария Ивановна была женщиной специфической. Стройная и худощавая, всегда с чистой головой и усиленным размером бюста, была похожа на брошенного спаниеля с жалостливыми глазами, который одним взглядом может растрогать маньяка-убийцу, зарубившего только что топором маленькую девочку и намотавшего на руку кишки ее двухмесячного пушистого котенка. Мамин взгляд служил ей голосом, как руки для глухонемых. Глазами женщина злилась, обижалась, занималась нравоучением детей, которые мгновенно понимали, что было сделано не так и как ожидается в следующий раз. При этом домочадцы телепатически угадывали мысли и состояния мамы, поэтому особой нужды в словах ни у кого не было. Мария Ивановна виртуозно использовала способность посмотреть как надо и получить то, что надо от мужа и от дочерей. В случае неудовлетворения мысленного послания или непонимания ребенком того, что все-таки мама хочет, женщина сильно обижалась и могла сутками наказывать «домашних извергов» молчанием. И все по-тихому, спокойно, до невыносимости хитро и до тошноты манипулятивно. Никто не выдерживал мамин игнор, и домочадцы сдавались, поступая как велено.

Тяжелее всех приходилось Зое, ведь ей нужно было подстраиваться под маму, сестру и папу, которые всегда составляли конгломерат. Мария Ивановна вечно критиковала дочь за грязные руки, оторванные пуговицы, опоздания и нежелание учиться, ведь, по мнению мамы, она должна была стать отличницей, как сестра.

Зоя сильно старалась, но ничего толком не выходило – всегда находились аргументы против похвалы или минимального одобрения. Сделаешь плохо или хорошо – все равно накажут.

–

Что за дырка на заднице? – ангельским голосом, но с жестью в глазах вопрошает мама.

–

Не знаю, – Зоины глаза молниеносно налились слезами.

–

Как тебе не стыдно? Ушла без спроса, штаны последние подрала, а завтра мне бронхит тебе лечить? – с расстановками и педагогическими паузами Мария Ивановна задавала вопросы дочери, которая катала попу на ледяной горке на штанах, а не на санках.

–

Мама, я не хотела. Прости меня, – слезы тихо капали из глаз, но разрыдаться по-настоящему, как маленькие девочки скулят от несправедливости, у Зои не получалось. К тому же надо было стойчески выдержать боль от ссадины, получившуюся от случайного «наезда» голой спины о кочку замерзшего дерева. Содрать кожу на морозе было совсем не больно, зато теперь, очутившись в теплой хате, жжение разъедало мозги девочки как менингит. Кстати, накануне

зеленку использовали на пальчик Верочки, случайно уколотый иголкой, поэтому на ссадину вряд ли хватит.

–

Иди в комнату и думай над своим поведением. И сестре не мешай, хоть кто-то в этом доме проблем не доставляет, – мама прервала Зоины гуманные думы о том, как доставить поменьше беспокойства в доме и не выгребать за недостойное семьи учителя поведение.

–

Мама, я молока принесла. Тетя Люба дала. В банке на пороге стоит.

–

Банку еще притянула? Я ж просила ничего у этой чмошницы не брать, – Мария Ивановна вылила молоко за сарай и ушла на кухню лепить вареники с картошкой. Женщина была прекрасным поваром и, несмотря на бури и штиль в семейном очаге, обед был по расписанию и вкусный.

«Послушне телятко двох маток ссе» – любимая поговорка и девиз по жизни Марии Ивановны, ценность, которую та вдалбливала дочерям. Мудрость внедрилась только в голову старшей. Верочка соответствовала всем критериям и стандартам педагога, что доставляло маме огромное удовлетворение. Прилежная школьные годы в образовательном процессе, в результате чего женщина гордилась золотой сверкающей медалью больше дочери, Верочка поступила в столичный институт и на койку в отдельной комнате в общежитии. Папа позаботился.

О Верочке вообще заботились сильно. Лучшая одежда, которую можно было достать в те времена, неподъемные сумки домашнего провианта и деньги на карманные расходы Назар Алексеевич привозил лично каждые две недели по воскресеньям.

Верочку величали лучшей студенткой потока, пишущей душераздирающие сочинения, от которых рыдали не только однокурсники, но и профессура в немногочисленном деканате украинской филологии. Девушка была красивой, умной и... знала об этом, поэтому не пренебрегала возможностью и пользовалась преимуществом, дабы на фоне «страшных и тупых» подруг, чувствовать себя не просто лучшей, а идеальной.

А идеальным можно все, ведь ничего дурного они по природе натворить не могут. Вера не была глупышкой, бессмысленно творящей, что вздумается. От мамы она унаследовала важную черту – хитрость, которая помогала ей за счет убеждения других в неотразимости, получать не только желаемое, но и не быть раскритикованной. Аура человека, уверенного в собственной непогрешимости, похожа на вязкую и тягучую смесь в воздухе – не вдохнуть нельзя, ибо физиология, но глаза выедает по-черному, отчего их лучше закрыть и не видеть реальности. Неадекватная самооценка, взлелеянная с детства, плоха тем, что человек не просто чувствует себя круче других, а в том, что другие думают, что так и есть.

То, что привозил папа, не всегда подходило вкусам и вызовам столичных модных трендов. Одежда, купленная на ярмарках и с рук подпольных торгашей за бешеные деньги, часто належивала дырки от моли в студенческом шкафу. Это повлекло за собой конструктивное решение – продавать подарки любящих родителей младшей сестре, чтобы радовать себя, заикленную на безупречной внешности, обновлениями на вырученные у кровинушки деньги. Зою, несведущую в моде и внешней эстетике, устраивал и фасон, и цвет, и материал, из которых были пошиты свитера, блузки и юбки-годе до колена с потайной молнией сзади. Девчонка «харчами не перебирала», а покупала, что дают. На тот момент Зоя училась в ПТУ, куда ее, бездарь и лентяюгу, отправили после окончания на тройки средней школы. Было обидно и непонятно, но приходилось покупать шмотки с «барского плеча», ибо совковый рынок продовольственных и хозяйственных товаров был достаточно скуден на предмет выбора, а одеждой снабжали только старшую сестру, потому что «она заслужила».

Папа, приверженец справедливости и равенства, о Верочкиной предприимчивости не догадывался. В противном случае, выгребли бы все женщины семьи по полной, несмотря на то,

что отец не был скандалистом и старался придерживаться нейтралитета в «бабских спорах».

Поэтому никто не пищал и не жаловался, боясь остаться крайним. Больше всего трусилась Вера, ведь лишиться папиных подарков, среди которых находились и сносные вещи, означало бы гибель для той, чья безупречная внешность стала второй кожей.

Мария Ивановна знала о торговых отношениях дочерей, но молчала. Она в принципе на все нелепости и проблемы старалась закрывать глаза – так проще. Особенно, если дело касалось младшей дочери. Не абортировала – пусть «спасибо» скажет. Близких отношений между ними не было никогда.

Жить женщинам стало проще и спокойнее после смерти Назара Алексеевича. Тот несвоевременно покинул мир от цирроза печени. «Надо же, никогда не пил», – поразились родственники и знакомые на кладбище, куда пришли не по любви и уважению, а потому что так заведено. Больше всех голосила и убивалась над гробом Зоя, которая рыдала о том, что папа посмел унести с собой навсегда – любовь. Он был слабым человеком, подчиняющимся женщине, но к младшей дочери относился по-людски. Не без мелких ссор и нравоучений, но Зоя всегда знала, что хоть кому-то в этом мире была по-настоящему небезразлична.

Однажды она со своим закадычным другом-соседом Сережей играли во дворе с бутылками, в которых папа хранил смеси для проявления фотографий. В селе снимки и фотоаппарат были чем-то диковинным, поэтому к нему часто обращались за семейными портретами или изображениями гроба с несвоевременно усопшим на память потомкам. Бутылки с драгоценными смесями Назар Алексеевич бережно хранил в деревянном ящике из-под овощей, который прятал в погребке. Ящик оказался без присмотра, так как намеревающийся проявить пленку папа отвлекся и куда-то отошел. Как назло, в это время Зоя с Сережей настигли темные стеклянные бутылки и случайно разлили содержимое. Заполнить сосуды было нечем, мысль убежать из дома, чтобы не выругали, также 5-летних детей не посетила. Они просто забросили пустые бутылки в кусты и принялись играть дальше, как будто ничего не произошло.

По возвращению папа, безусловно, обнаружил пропажу:

–

Зоя, а ты не видела тут у меня бутылки стояли?

–

Видела, – гордо ответила девочка.

–

То где же они? – папа удивился тому, что дочка начала признаваться.

–

Бежала большая собака, взяла бутылку в зубы и «пашол»! – громко изрекла Зоя, двинув маленькой ножкой Сереже по колену, чтобы тот подтверждающе кивнул.

–

А куда ж «пашол», Зой? – поинтересовался папа, не скрывая улыбки и умиления девочкой, на ходу придумавшей сумасшедшую историю.

–

Далеко! – четко произнесла дочь, взмахнув рукой в сторону зеленого луга, на котором паслись коровы.

От мамы за такое Зоя получила бы и не раз.

А вот папа любил Зою такой, какая есть, поэтому она часто делилась с ним разными секретами, прекратив придумывать комические истории о собаках и котках, которые вместо нее пакостят во дворе. Обычно правду говорят тогда, особенно неприятную, когда знаешь, что за это тебе ничего не будет. А вот обманывают по одной причине – из-за страха сказать, как было, ибо как было, с точки зрения реципиента информации, неправильно и осудительно.

Папы не стало, и Зоя оказалась никому не нужной. Как-будто вырезали почку или желчный пузырь – жить можно и даже не видать изъяна, но здоровым уже все равно не будешь.

Относительно Верочки мама постоянно находилась в режиме онлайн. Нужна помощь, рекомендация, которая давалась без просьбы, но под соусом категорической необходимости выручить «малохолдную» в бедах жизненной пучины, – всегда welcome и в любое время. Даже после похорон Назара Алексеевича и переезда женской оставшейся части семейства в столицу, мама осталась жить вместе с Верой и ее вечно больной дочерью Олей.

Дочь родилась не от кого-нибудь, а от самого видного парня в селе, с которым Верочку настоятельно поженили, ибо других более достойных кандидатов среди сельской рабочей общественности просто не было. Борислав был видным, высоким, подтянутым и кареглазым, трудолюбивым и из приличной семьи таких же учителей. С этой педагогической кастой семья десятилетиями негласно находилась в контрах, но когда пришло время браковать выросших детей, то взрослые решили поступиться эгоизмом в угоду сплочению интеллигентности, так как других интеллигентов в селе не было. Единственным человеком, открыто протестующим против заключения брака, был Назар Алексеевич. Тот без смущения заявлял свое «фу» о том, что нельзя выходить замуж только потому, что муж красивый и умеет читать. Папа искренне любил маму и дочерей, желая, чтобы те строили семью на любви и нежности даже с представителями рабочего класса без золотых медалей по окончании школы. Но папу никто не слушался, особенно Верочка, для которой мужчина стал подтверждением ее прекрасности а-ля «на принцессе должно лежать только принцу». После смерти папы вопрос с «неправильным выбором» отпал сам собой.

Жизни с тещей Борислав не перечил. Возможно, потому, что вообще мало разговаривал. Не сказать, что интроверт. Наоборот, экстраверт, любящий шумные застолья, праздник и друзей, который просто не любил жену, прекративший к ней прикасаться как к женщине после рождения дочери.

Несмотря на то, что и Верочка и ее муж были самой завидной и красивой уже столичной парой, отношения строились по принципу «в книжке написано, что семейная жизнь – это...» При советской власти об отношениях мужчины и женщины можно было прочесть лишь в кулинарной энциклопедии, соответственно, жизнь Веры с Бориславом выглядела как «принеси, забери, ужин на столе и почему так дорого?»

Сложно вести диалог с тем, кто тебе не нравится. Даже поскандальить по-человечески не удавалось, чему соседки, живущие с алкашами и получающие по морде три раза в неделю, сильно завидовали. Тащить «любимую пьянь» из канавы – это плохо, но мало кто из завидующих идиллии размышлял над тем, что жить без любви – еще хуже.

Тещу Борислав воспринимал положительно. Та варила, стирала, штопала и не влезала в личную жизнь молодняка. Настолько была индифферентна, что увидев однажды в доме постороннюю женщину и зятя с голым торсом, прошла по-тихому в комнату, забыв сообщить об адюльтере дочери вечером того же дня.

Мария Ивановна могла нагнуть и поиметь Верочку в любой позиции, преимущественно сзади, на предмет ее умственных способностей, воспитания Оли, недосола супа на обед или чересчур дорогого свитера, но раскрывать рот по поводу зятя старшая и главная хранительница семейного очага себе не позволяла. За это Борислав тещу сильно уважал. Мария Ивановна же десятилетиями скрывала то, из-за чего Борислава давно нужно было вытолкать за дверь с немногочисленными пожитками.

Семья – превыше всего. И эту структуру надо сохранять любой ценой, ибо «разумнее телятко двоих маток ссе».

Борислав был топовым жадиной и скрягой. Это была не просто картина, когда трудно оплатить ужин любимой женщины в ресторане, и человека буквально выворачивает наизнанку. Жлобство – черта более глубокая, когда жаль всего, что можно отдать в принципе – улыбку, эмоцию, помощь, сопереживание.

Но беда не в том, что женщине с таким мужчиной приходится рассчитывать только на себя или вымалывать копейку на помаду. Жлобизм проявляется прежде всего к самому себе – не отдавая что-либо, человек не испытывает сопровождающих чувств – нет радости, умиления, значимости, расстройств, которые естественно сопровождают любые действия и результаты. Жить со скупердьями невыносимо, ведь не испытывая эмоциональную палитру, они не понимают чувств и духовных потребностей других.

По приходу домой с работы Борислав важно и молча поедал ужин, который к семи часам вечера обязан был стоять на журнальном столике в гостиной напротив телевизора, расположенного под «полотенцем» от пагубного воздействия прямых солнечных лучей, как и положено в каждой советской семье. На «полотеничке», сшитого из ткани, которая могла стоять как бумага, была изображена милая собачка-спаниелька, весело играющая с красным шариком. Животное было единственным, что хоть как-то скрашивало и эмоционализовало пространство комнаты, где Борислав был хозяином. Телевизор был установлен в «стенке», состоявшей из малогабаритного шкафа, куда мало что помещалось, серванта, в котором хранились документы и Верочкино золото, и стеллажа для книг, где располагались неизвестно откуда взятые карманные русско-немецкие словари, многотомники Толстого и несколько фарфоровых статуэток юных леди в красивых воздушных платьях, танцующих под неслышную музыку старинных оркестров. Напротив располагался раскладной диван и кресло, на котором каждый вечер и восседал глава семьи за ужином и просмотром новостей.

В обязательном порядке на тарелке его ожидало два толстых куска батона и такого же размера масло. В противном случае, тарелка с едой оставалась нетронутой или выброшенной в умывальник. После трапезы Борислав раскладывал скрипучий диван с цветочной обивкой, ложась на который можно было запросто заработать невралгию, выключал свет и опочивал до утра. Так ежедневно. Из года в год. Дизайнерский совковый минимализм, подкрепленный душевным. Даже собака с шариком на телике не топила сердечный холод жителей малогабаритной, но обеспеченной государством двушки. Молча.

Борислав воспринимал семью как некий орган, выполняющий поддерживающую функцию базовых низших потребностей организма. И то не всех – секса в этом перечне не было, а лишь пища, питье, поспать под теплым одеялом и получить утром судочек с обедом на работу.

Взглядом мог унижить, мягко «попросить» что-то сделать или отругать за неподобающее поведение. Выражение лица носил величественно-мстительное, словно надзиратель в Освенциме. В этом отношении Борислав с Марией Ивановной были чем-то похожими, хотя вопрос о том, по какой причине вечером в доме наступает гробовая тишина, не поднимался ни мамой, ни Олей, которая в это время прилежно учила уроки с бабушкой, ни Верочкой, за долгие годы привыкшей к отсутствию звуков.

По воскресеньям с самого утра пока все спали Борислав традиционно отправлялся в гараж неподалеку от дома. В подвале очень неприметного железного сооружения, покрашенного в бордовый цвет, с выпуклым круглым каркасом для сокрытия многоуровневой железной защиты, именуемой замком, который выпирал на двадцать сантиметров, хранились деньги. Вперемешку с пустыми трехлитровыми поколотыми банками, веревками, одинокими кирпичами, дровами, канистрами и прочей никому не нужной хозяйственной утварью мужчина хранил сокровища, накопленные годами, о существовании которых никто и не догадывался.

Борислав работал заведующим хозяйством на химическом заводе, и в его парадии находились все приходы и расходы на обеспечение работы комплекса, лучшего в Советском Союзе по выработке химсырья. Домой приносились тюки авосек из прочного волокна, различные разногабаритные мешки и сумки, с которыми дамы ходила за продуктами. На этом, собственно, все. Деньги в семью Борислав вкладывал неохотно – харчи, одежду и бытовые товары, а также лекарства для всех, в том числе и для супруга, покупала Верочка на свою зарплату и пенсию мамы.

Настоящий клад глава семьи хранил вдали от посторонних глаз в долларовом эквиваленте, распределенном по цветным мешкам с химзавода для отвода глаз, полученный в качестве откатов за возможность залить бетон, сменить крышу или «незаметно» увезти пару-тройку тонн химикатов на собственные нужды какому-нибудь бродяге-чиновнику.

В гараже за многие годы накопилось целое состояние, к которому даже сам Борислав не прикасался. Мужчине важно было не тратить, а копить. К сожалению, деньги по природе не рассчитаны на такое долгое и нудное накопительство в гараже, пережившем не один десяток сезонов, поэтому однажды Борислав вынужден был принять меры. Он принес один из мешков домой с печалью в глазах и наконец-то состоявшимся вербальным актом – криком о помощи прямо в коридоре:

–

Деньги выцвели! – Борислав бросил на длинный зеленый ковер барсучью шапку и в зимних ботинках на цигейке пошкандыбал в гостиную, сел на кресло и заплакал.

–

Какие деньги? – недоумевала Верочка, примчавшись на крики супруга из кухни, и Мария Ивановна, вынужденно оказавшаяся на месте трагедии, так как за мгновение еще спокойно перебирала цибулю в гостиной.

–

Доллары! В мешках поцвели, куда их теперь? – мужчина вытер соплю клетчатым платочком и достал из старого мешка пачку купюр, переплетенных красной ниткой и упакованной в старый целлофановый кулек, внутри которого невооруженным глазом был виден конденсат. Зеленые деньги выглядели уныло и безрадостно, ибо на каждой купюре располагалась выцвель, переливающаяся цветовой палитрой от темно-зеленого до багрово-коричневого оттенков. Борис

лав пытался соскрести лезвием плесень еще в гараже под болтающейся мерцающей лампочкой на толстом проводе, но ничего не выходило. Пришлось нести богатство в дом и искать семейной поддержки.

–

Как куда? Боже, сначала скажи, откуда? – верещала Вера, изрядно расцветшая к раснотой на щеках от взгляда хоть и на подпорченную, но все же кучу денег, которые супруг так нехотя и частично выдавал в день зарплаты.

–

Оттуда... – Борис дернул рукой в непонятном направлении, скорее, от психов, нежели желая продемонстрировать источник обогащения.

–

В банк сдай, – посоветовала Мария Ивановна

.

–

Не примут. Вернее, примут, но половину отсчитают из-за дефекта.

–

И что? Хоть что-то получим! – завопела Верочка, натягивая на раздавшуюся фигуру после родов мгновенно нафантазированное платье и шляпу с широкими полями, о которой женщина мечтала всю жизнь. Чтобы как Шанель.

На этом диалог был закончен.

Борислав не сдал деньги в банк – получить меньше показалось плохой затеей, поэтому не получил вообще ничего. Не ради этого он месяц в реанимации провалялся. Однажды мужчина приполз еле живой домой, сильно избитый по морде, с большими гематомами на глазах и

голове, и попросил вызвать доктора. Скорая приехала быстро – наложили по гипсу на каждую ногу от пальцев до бедер, а сломанные ребра оставили как есть. Семья догадывалась о причинах избиения и искренне надеялась, что Борислав научится «делиться с дядями».

Мужчина не рассказывал, каким образом в его руках оказалось содержимое мешков. Вера подозревала, что муж занимается еще чем-то, помимо прямых обязанностей по КЗОТу на заводе, но никогда не спрашивала прямо. И как спросить, если разговаривать в семье не принято?

Мешок с деньгами и грибком хранился в углу гостиной пару месяцев как символ несбывшихся, но все-таки надежд – отчаянно безнадежных, с привкусом суицидальности. Ибо сдохнуть хочется о того, что о нормальных вещах приходится мечтать. А вдруг он изменится? «Ведь бывают же чудеса, и со мной непременно должно одно из них произойти, я же принцесса», – думала Верочка, смотря на клетчатый химвешок, в котором покоились ее чаяния на лучшую жизнь.

Привести деньги в порядочный вид не удалось, и мешок был положен в еще один и отправлен обратно в гараж. Не выбрасывать же?! После того, как семья узнала о деньгах, Борислав периодически и крайне нехотя приносил домой часть тех, которые не выпвели.

Мужчина всегда вел здоровый образ жизни, никогда не курил и алкоголь принимал на душу в минимальных количествах и только на Новый Год. Расслабиться и дернуть стопочку в конце рабочего дня или просто для настроения было чем-то невозможным от слова «трансцендентальность» по Канту. Борислав за всю жизнь ни разу не напился, не накурился и не наболтал лишнего в пьяном забвении, сидя на скрипучем диване в цветы вместе с каким-нибудь другом-собутыльником о том, насколько скудное существование ведет и как мог бы прожить жизнь иначе.

Вместо этого ежедневно делал зарядку и мечтал жить в лесу, подальше от людей. Последнему не сбыться не судилось, ибо жена, теща и наличие людей в мире, с которыми все же нужно было взаимодействовать, пусть и молча. Слишком «в себе», малоэмоциональный, твердолобый и нечувствительный.

Верочка же была воздушной, творческой, ориентированной на красоту мира эстеткой. С прекрасной русой шевелюрой из вьющихся волос, большими глазами и «коренастой» фигурой, украшенной бюстом третьего размера. В селе сложно родиться утонченным физически, ибо ежедневная дойка коровы или колка дров как-бы «накачивают руки», делая их внешне рабочими. Несмотря на семейную педагогическую интеллигентность Вера помогала по хозяйству наравне со взрослыми.

Стремилась быть полезной, доброй и отзывчивой. Ей очень нравились слова благодарности от других, особенно от мамы. Редкие комплименты в ее адрес возвращали невидимые крылья на спине под ситцевым домашним халатом в мелкий цветочек, который носила каждая первая совковая хозяйка. Более того, Верочка прилагала максимум, чтобы получить одобрение. Часто это одобрение проявлялось в просьбе о добавке ужина Бориславу или мамином «о, наконец-то нормально вышло». Ну хоть так.

Два противоположных мироощущения сплелись в единую субстанцию, ибо так положено. И держалась эта диалектическая семейная помесь на том, что никто не рассказывал о своих чувствах, настоящих желаниях и не озвучивал потребности. Как будто никто их не имел. Первый и последний раз: «Я тебя люблю» было сказано Верой и Бориславом в день свадьбы тридцать лет назад. Иногда каждый «вылазил» из общего контекста, пытаясь ухватить чуток счастья и глотнуть воздуха, но его быстро запихивали обратно: «Сидеть. Семья».

Семья же больше походила на стайку обезумевших от голода гиен, периодически откусывающих у слабого кусок живой плоти на бедре. При этом роль слабого блестяще и посменно отыгрывал каждый. В армии могли бы позавидовать тому, что человек без напоминаний, уговоров и устава самостоятельно заступал на вахту. То Борислав обижался и объявлял молчанку,

прекращая говорить две традиционные фразы «Я ушел» и «Добрый вечер» – это значило, что Вера чем-то сильно провинилась. Порой сама женщина превращалась из тирана в жертву и демонстративно плакала на глазах у черствого и скупого супруга. Мария Ивановна держала нейтралитет, разыгрывая спектакль счастливой семейной жизни перед внучкой, которая не должна была узнать о том, что нормальные люди так не живут. Поэтому девочку часто водили по театрам, на прогулки в далекие парки и читали вслух украинскую классику, чтобы наполнить голову хоть какими-то словами.

Вечером женская часть семьи устраивалась на небольшом и твердом кухонном уголке, садясь на который нужно было подкладывать перину даже очень тучному человеку с объемным задом – в совке изготавливали мебель не для комфорта, а чтобы чем-то заставить дом.

Верочка насыпала цейлонский чай в керамический чайник с перламутровым отливом – единственная часть из большого сервиза, который хранился в серванте на случай... На какой случай – ни одна советская женщина не могла бы ответить, но хранить нужно было и непременно в серванте. Если что-то нечаянно разбивалось при попытке снять пыль, это приравнивалось к катастрофе, и с виновником не разговаривали месяцами. Поэтому к таким сервизам мало кто осмеливался прикасаться, отчего они настолько загрязнялись и залипали, что после 90-х их просто выбрасывали.

Верочка нарушила правило и позволяла домочадцам пить чай из сервизного чайника. Мария Ивановна доставала из холодильника, стоявшего в коридоре из-за отсутствия места в кухне голландский сыр, а Оля несла вишневое варенье домашнего приготовления. Каждое лето Верочка закрывала баснословное количество банок с вареньем – яблочное, тыквенное, с добавлением лепестков роз, которое делалось по ее тайному рецепту несколько суток, и, конечно, вишневое. Последнее было самым вкусным, ведь готовилось без косточек. Женщина гробила сутки, чтобы подоставать косточки из каждой вишенки, а потом столько же, чтобы каждую ягодку проверить еще раз. Ведь если делать, то идеально. В этом отношении Вера действительно заслуживала прозвище «мнѳоха», которым ее величала мама.

Вечера были очень душевными, пахучими, ведь тогда сыр действительно пахнул сыром, а чай на самом деле требовал заваривания, а не кипятка, чтобы покрасить чашку. Женщины обсуждали прошедший день, Мария Ивановна раздавала полезные советы на завтра, Верочка сильно плямкала, тщательно пережевывая еду, и громко сербала горячий чай, так как употребляла исключительно кипяток. Маленькая Оля молчала, впитывая вербальный опыт у старших. Такие посиделки были редкими, но желанными, поэтому дамы уходили на ночной покой далеко за полночь.

Двухкомнатная квартира походила на элитную мусоросвалку. В ней размещались неопи-сваемой красоты разнообразные безделушки и предметы роскоши, которые в советские времена достать было невозможно, но Верочке, ценительнице прекрасного, это мистическим образом удавалось. Формат малогабаритного пространства и убранство квартиры не сочетались между собой, но тонкий вкус женщины нуждался в реализации. Особым местом силы и женственности было трюмо из прямоугольного зеркала, прибитого на два гвоздя в стену, и низкого шкафчика с двумя дверками ал-я «муж, золотые руки, сделал сам». Сбоку, слева от зеркала, висел необыкновенного изящества светильник в виде двух свечей, включая который можно было осветить свою и соседскую квартиру. Яркие лампочки выедали глаза, но смотрелось крайне эффектно. В шкафчике хранился настоящий клад в деревянных овальных шкатулках с узорами из цветов, покрытых лаком. Когда их открывали, слышался характерный скрип от разъединения прилипших друг к другу шкатулки и крышки, а коридор наполнялся запахом хвои.

В одной, украшенной абстракцией, похожей на клетчатый шерстяной плед, Верочка хранила пуговицы: разных размеров, толщин, форм и историй. Другая шкатулка с портретом Маши Ростовской вмещала украшения: пластмассовые колечки, бантики в волосы, лен-

точки-браслеты на руку, булавки под золото и медь, игральные кубики и цветные стеклянные шарики, о предназначении которых домочадцы не знали.

Также внутри шкафчика можно было отыскать еще кучу всего: безделушки, шелковые шарфики, красивые бумажные пакетики, бархатные коробочки с кольцами из драгметалла, пустые баночки из-под кремов, которые хранили запах, флакончики начатых и новых духов.

В погоне за эстетикой сорокалетняя женщина превращалась в маленькую инфантильную девчонку, собирающую красивые бессмысленные безделушки. Верочка входила в волшебный мир красоты и грации каждый вечер после ванны, стоя у трюмо, любовно разглядывая себя и обмазывая лосьоном лицо.

При этом женщина спокойно относилась к тому факту, что свитера, юбки, простыни и трусы складываются на стульях, ровненько выставленных под стеной. Приобретение большого шкафа стало событием для всей семьи из двух поколений, но и это не спасло стулья от складирования – всегда находилось, что повесить.

Абсолютно не приспособлена к ведению хозяйства, оплате счетов и планированию бюджетных средств, которые Борислав редко выдавал скрипя зубами, Верочка могла потратить четыре часа времени на приготовление куриного бульона, двое суток на перебор кулек с кулками и несколько вечеров на примерку одежды в коллаборации с украшениями из своих волшебных шкатулок и аксессуаров. При этом образы никогда не имплементировались в жизнь, но систематически демонстрировались у зеркала самой себе.

Для закрытия бытовых вопросов у Веры была мама, которая занималась приобретением социального продовольственного пакета, приготовлением пищи, поддержанием порядка в доме, обеспечением чистого белья всем членам семьи и помощью Оле с уроками. Без отпуска и выходных.

При этом Вера была прекрасной женщиной вне семейного контекста. Яркая, умная, начитанная. В компании могла и стих рассказать, и длинную прозу наизусть, благо семья была читающей. Никакого труда не составляло произнести тост, от которого гости рыдали и шморкались в накрахмаленные салфетки, предварительно уложенные под тарелки. Гостеприимству женщины не было предела. Несмотря на то, что Борислав не любил общество и сам никого в дом не приглашал, Верочка устраивала шумные «гости» с песнями, стихами, веселыми историями, которые супругу оставалось просто перетерпеть. Со временем мужчина втянулся, с некоторыми людьми даже подружился, отчего громкие застолья казались ему менее отвратительными и бесполезными. Вера с Бориславом надевали свои лучшие наряды, которые специально были куплены для гостей. В советское время мало кто позволял себе носить красивую одежду просто так – неприлично было радовать себя без повода и чтобы другие не видели.

Верочка надевала красивое сиреневое платье со струящейся оборкой, цепляла брошь из цветных камней в железной оправе на грудь, рисовала губы красным и дополняла образ туфлями на высокой шпильке с железными набойками, которые страшно натирали ноги, но были очень красивыми. В таком наряде хозяйка выходила к гостям, а дом наполнялся хорошо ощущаемым запахом губной помады Lancome, за которую женщина каждые три месяца давала взятку товароведу в центральном универмаге. Цвета выбирать не было возможности, да и выдавали только алых оттенков, но Верочке шло все.

Борислав был скромнее супруги, надевая рубашку, брюки и оставаясь в тапочках. На отсутствие туфель на мужчине никто не обращал внимания, так как в те годы было принято так выглядеть «при гостях», как бы мягко напоминая, что «не в сказке живем». Тем более, что ковры на стенах для утепления и сокрытия экономии, так как под них обычно обои не клеились, и рваный коричневый линолеум на полу подтверждали этот посыл.

На юбилей и дни рождения от Верочки ждали индивидуально оформленных букетов и открыток, в которых в формате 2 на 2 сантиметра мог разместиться эпос или религиозная притча о духовном. При этом религиоведы или простые верующие, зачитавшие Библию до дыр,

в жизни бы не нашли того, что женщина видела краем глаза или считала очевидным. Кому был дан талант глубокого осмысления действительности, чувствования прекрасного и публичных выступлений, чтобы раздосадовать и прослезить даже мертвого, так это Верочке.

К сожалению, ее тонкая душевная организация была непонята, непризнана и обесценена суровыми семейными буднями, где ребенок требовал лечения, муж сторонился нежностей, а мать ограничивалась хозяйственными вопросами.

Поэтому Верочка «погуливала» с другими мужчинами, тем более, что найти менингит на голову с ее внешностью и подачей было «как два пальца».

Видная красотка, умелица слова ловила восхищенные взгляды мужчин и дико кайфовала от интереса, вызываемого противоположным полом. Мужчины западали на нее мгновенно, ибо энергетика неудовлетворенной внутренней страсти и женственности невидимым клеем цепляли всех.

–

Мне нужно отлежаться, – просила Вера сестру выделить ей диван и время для уединения после аборта от очередного бандюка, который так и не узнал, что от него могло быть потомство. У Зои уже имелась отдельная квартира, семья и глубокое человеческое сострадание к несчастной.

–

Я на работу уйду, а ты полежи. Может, лекарств надо? Тебе выписали?

–

Нет, уходи, – нервно сквозь зубы шипела Вера, явно недовольная результатом запретной любви.

–

Я вечером буду. Если что, звони в скорую, я соседку предупредила, что у меня сестра болеет.

–

Что ты ей сказала?

–

Ничего не бойся, никто не знает. Зачем ты так поступила?

–

Что ты понимаешь в любви, дура?

–

Поматросил же... – Зоя глубоко вздохнула и укрыла сестру пледом.

–

Тебе не понять, – Вера накрылась с головой и отвернулась.

Женщина отлеживалась, а Зоя спешила вечером домой и тащила сумки с витаминами – фруктами и костями для бульона. Кости в те времена были лакомством, правда, за ним не нужно было выстаивать длинную очередь, когда на половине отстоянного, предварительно договорившись со стоящим сзади, что обязательно вернешься, узнавать, что дают! Многие участники очереди не понимали сути собрания, но реалии жизни убеждали, что стоять необходимо. Однажды так Вера выстояла с утра до вечера два зеленых свитера с черными полосками у манжетов. Они оказались качественными и красивыми, потом передавались младшим по наследству. Возможно, сейчас, если потрусить старый платяной шкаф, оттуда вывалится один из них.

Женщина ничего не выбрасывала, бережно хранила обноски, а новые покупки старалась не распаковывать и бирки не отрезать. Все ждала подходящего времени или случая, чтобы надеть или постелить в праздник.

Жизнь шла, а ценники затирались – подходящих случаев оказалось не так уж много. Но Верочка все равно ждала настоящую жизнь завтра, а сегодня – подготовка ежиков к зиме.

Однажды все же случилось срезать бирку с красивого бирюзового платья, чтобы пойти на свидание – Верочка крепко влюбилась, и взаимно.

Женат. Двое детей.

Человек оказался порядочным, добродушным и с далеко идущими планами. Настолько далеко, что через пару месяцев после знакомства подал на развод и потерял тепленькое чиновничье местечко из-за неблагонадежности. Нельзя было изменять жене без ведома партии. Вера же после двухлетнего романа за спиной у мужа и заманчивой перспективой сменить его на другого предложением и кольцом от любимого, пошла на попятную.

Об этих отношениях знали все – Борислав, 16-летняя Оля, Мария Ивановна и Зоя. Ждали, что как-то рассосется. Любовь не рассасывалась, а решение требовалось уже сейчас.

«Ну и на что ты меня содержать будешь? Разведешься – я приму сторону отца!», – боясь остаться без папиных скудных, но все же денег, говорила дочь.

«С Бориславом налажено, привычно, ребенок растет. К тому же, в гараже клад хранится – на правнуков хватит. А с тем что? Бросит, одна останешься! Остепенись, малохольная!», – в страхе остаться без семьи, где в ней нуждаются, говорила мама.

Борислав резал больно и один раз, очерчивая Верочкины перспективы после развода: «Я тебя на улице оставлю с больным ребенком. Ни копейки не получишь на свои платья и помады! Сдохнешь под забором в нищете, так и знай!»

С Зоей не советовались.

Вера остро нуждалась в мужчине. Вот приходилось искать компенсации на стороне: надевать лучшее платье, чтобы нравится, хохотать на празднике громче всех, чтобы обратить на себя внимание, спать с мужчинами, которые тебе не принадлежат. Тогда хотя бы на час, потершись об очередного кобеля, который в качестве прелюдии предлагает восторженно-похотливый взгляд, обрамленный в вербальную банальщину, возникает ощущение правильности жизни, ведь эта штука должна быть в кайф.

А потом оказывается, что измена – это не столько поиск лучшего, а вуалирование того, что когда-то выбор был сделан в пользу худшего. И не каждый готов признать ошибку, тем более, что маминым голосом звучит: «Послушне телятко двоих маток ссе». Значит, менять устоявшуюся жизнь на неведомо что нельзя. Вера прекратила роман.

Брак не прогарантировал любви, зато стал гранитной защитой от физического одиночества. Шкаф снова начал наполняться тряпками с бирками.

Внутрисемейная гранитная плита надломилась, когда вечно болеющая дочка-внучка-21-летняя-астматичка Оля, внезапно прекратив болеть, вышла замуж и затребовала обособленный угол.

Такого даже Мария Ивановна себе не позволяла, посвятившая себя Верочке и поставившая крест на собственной жизни. У нее была маленькая, но отдельная жилплощадь, и встречались достойные порядочные мужчины. Последних гордая женщина отвергала, а собственный угол ждал лучших времен. Ведь когда-то же наступит момент настоящей жизни? Периодически мама приходила убираться, проветривать пустое одинокое помещение, платить по счетам. После удалялась туда, где в ней нуждались.

Оля требовала свободу и отдельность неистово, так как сильно хотелось слиться по уважительной причине с этого двухкомнатного ада, в котором никто не был счастлив. Мария Ивановна отдала ключи от своей однушки.

Олю семейным табором холили и лелеяли. Она была худой, высокой, с большими карими глазами «в маму» и масштабным объемом груди. Друзей не было, ибо на прогулки в одиночестве не имела права. Как ей удалось познакомиться с женщиной и выйти замуж – для всех осталось загадкой.

В подростковом возрасте потенциальных любовей и спиртного Оля была жестко осажена семейным собранием, когда папа потребовал незамедлительно обрезать ногти, стереть малиновый лак и забыть о мальчиках. Робкие попытки познакомиться с чьей-то возлюбленной наткнулись на контроль и обесценивание: «Кому ты такая большая нужна?», и подслушиванием телефонных разговоров по параллельному аппарату. Как только у Оли представилась возможность сбежать из холодной каменной крепости, она тут же ею воспользовалась.

Ее болезнь считалась страшной и неизлечимой, требующей контроля, круглосуточного наблюдения и соблюдения режима дня. И жизни. Воспитательную часть надзора выполняла Мария Ивановна – уроки, питательные и разнообразные обеды, чистота белья и вечерние допросы о прошедшем дне. Ответности избежать было нельзя, так как Оля спала в одной комнате с бабушкой. В небольшой и всегда душной непрветриваемой комнате посередине располагались две большие односпальные кровати, сдвинутые друг к другу, на одной из которых опочивала бабушка, а на другой, накрытой деревянной доской для равной спины, засыпала Оля. Ни расслабиться, ни помастурбировать.

Иногда ночью Мария Ивановна слушала Олино дыхание. Просыпаясь от шума склонившейся в темноте бабушки, девочка приходила в ужас, но ничего сделать не могла. Оставить ребенка в покое и дать капельку свободы было невозможно, ибо Мария Ивановна – педагог.

Раньше, будучи учителем, когда женщина заходила в класс с очумевшими на перемене учениками, помещение моментально становилось кристально тихим. Стоя у двери, начинала читать какое-нибудь стихотворение. Медленный темп бархатного голоса успокаивал даже тех, чье призвание было «рот не закрывается никогда, а бесцельные телодвижения – это жизнь». К Марии Ивановне и учительскому статусу дети относились с благоговением, ибо та не ругалась и не повышала голос. Когда ей нужно было подтянуть ученика или объяснить, что литература – это не мусор украинской недонародности, использовала взгляд и манипуляции совестью младшего поколения а-ля «стыдно чего-то не знать и посредством учиться». Ибо преподаваемые предметы – это не абы что, а клетки души нации, верный указатель на различность добра и зла в сложные времена. Времена были сложными всегда, поэтому не знать предмет мало кто решался.

Педагоги – это отдельная раса людей. В мозге у них особые нейронные связи, курирующие потребность в наставлениях других. Если человек не нуждается, значит, он еще тупее, нежели предполагалось изначально. Ибо педагог выше, знает лучше, понимает глубже. А тот, кто сопротивляется, должен быть либо уничтожен, либо усилиями педагогического превосходства перетянут на сторону добра. Оля не хотела умирать так рано, поэтому внимала наставлениям бабушки и слушала дополнительные образовательные лекции помимо заданных на дом в школе.

Верочка курировала медикаментозную часть – приводила в дом профессоров, возила дочь на многомесячные оздоровления по здравницам, писала записки учителям, чтобы много от ее ребенка не требовали. Олины болезни стали для Веры настоящим спасением. Во-первых, где еще женщина с повышенной потребностью быть нужной может реализоваться, как не у кровати больного ребенка? Во-вторых, чем больше Верочка лечила, тем больше детский организм болел, поэтому от безделья женщина обезопасила себя на долгие годы.

Оля представлялась в глазах родных женщин ограниченным олигофреном, который заправляет в носки брюки делового костюма. Такой себе больной полудурок-аутист, диагноз которому поставлен мамой, интересующейся медициной.

Просматривая Олины фото из детского альбома, гости и друзья часто удивлялись: «А почему ребенок летом в колготках?» На это Вера демонстративно закатывала глаза, чмокала губами мол «идиоты» и вздымала руки к небесам: «Как почему? Так кашляла и задыхалась, что в тепле нужно было держать круглый год!»

Мария Ивановна с Верочкой образовали лечебно-обучающий конгломерат, добровольно выходить из которого было запрещено. Оля мечтала сбежать из этого сумасшедшего дома, чего-то самой достичь или хотя бы немного побыть в одиночестве. Поэтому вышла за первого, кто предложил сепарироваться из бабо-матерьского гнезда. Горю покинутой матери не было предела:

—

Я всю жизнь ей посвятила, – глотая слезы, жаловалась женщина подруге. – А она даже не вспоминает мать!

—

В попу их целуешь, себе во всем отказываешь, так на старости никто не спросит о самочувствии... – поддерживала Внрочку Жанночка, тучная одинокая женщина иерусалимских корней. Втихаря гордилась, что участь «маму использовали и выбросили на помойку» ее миновала. Жанночка родила сына для себя и с мужчиной под одной крышей никогда не сожительствовала. Мишенька рос глубоко маминым, достойно выполняя роль ребенка, хозяина, мужчины и надежды на стакан воды в старости. Когда случайно забеременев одну красотку и родив внука, Миша неосмотрительно предупредил маму о планах переезда, Жанночка от неожиданности среагировала не сразу. Лишь на вторые сутки ее потенциально покинутый организм выдал предсмертное повышение давления. Сын с красоткой и ребенком остались у матери. Ненадолго. Вынести Жанночкин деспотичный нрав стало непосильной задачей, и истощенная красотка покинула Мишу. Жанночка осталась при своем мужчине.

—

Помню, надо было в санаторий определить. У нее же астма, дистония, вечно с бронхитами и недобором веса. Больной дистрофан, кожа да кости, ножки как ниточки. Так я в ноги падала заведующей, чтобы путевку дала. Поезд, попутки, автобусы грязные, денег ноль. Куча вещей, на месяц едем. Санаторий на холме. То я с поезда на плечах свою доходягу тащу, в руках кошолки и чемодан, весом с меня. Иду и плачу. Ветер в лицо, а я даже слезы вытереть не могу, рук не хватает.

—

Да за что ж тебе такое?

—

Иду и рыдаю над судьбой и больным ребенком. Борислав мало спонсировал.

—

Жлоб.

—

Да! Когда не хватало денег, устроилась в лабораторию банки из-под анализов мыть, чтоб хоть рубль на лечение заработать. А теперь она мне не звонит! Моя жизнь распята на кресте ее болячек, – Верочка зарыдала и бросила трубку, забыв уточнить, как у приятельницы дела. Ибо когда не любят, ты становишься сумасшедшим.

Мама с Верочкой приносили обеды и вешали на ручку входной двери Олиной квартиры, звонили по четыре раза в день с вопросом «Как ты?» или заявлениями «Там бабушка пошла, через 15 минут будет» и периодически рекомендовали уйти от недостойного работяги, который крутил в машинах гайки и смел прикасаться к Олиному первенцу без предварительной стерилизации. По мнению женщин, Оля была неспособна к правильному и адекватному уходу за живым существом, поэтому вмешательство с целью контроля в молодую семью было необходимо.

—

Я им говорю, что сама приготовлю, так они без предупреждения просто звонят в дверь и вручают пакеты с судками! – жалуется Оля подруге о наболевшем.

–

Так не открывай дверь, – та хохочет.

–

Я раз и не открыла. Оставили еду под дверью.

–

Съели?

–

Съели. Бабушка вкусно готовит. К тому же с малым нянчатся, я могу на сутки отдать, вообще без проблем.

–

Может, няню?

–

Зачем?

–

Чтобы отказаться от помощи тех, кто тебя раздражает, – размышляла подруга.

–

Они – моя семья.

–

А муж кто?

Оля продолжала на словах бунтовать против системы, но успешно пользовалась ее благами, оставаясь частью системы.

Пяти лет жизни в условиях концлагерного надзора Олиному мужу хватило, чтобы поставить супруге ультиматум: «Или они подальше или я насовсем?» На это женщина, подкармливаемая из «папиных волшебных мешков» мило отвечала: «Они добра хотят, не перебарщивай. Тем более, ты столько, сколько папа дает, не зарабатываешь». Посему Ирочкин супруг продолжал ворчать по-тихому в спальне, а собственные именины терпел в кругу любящей дружной семьи супруги.

Та же встречалась с другими мужчинами и приносила домой неподъемные букеты цветов, индивидуально написанные картины, украшения и тоску по жизни, которую могла бы иметь.

–

Что с тобой? – спрашивал муж, когда Оля периодически плакала по ночам.

–

Я несчастна, – спокойным гробовым голосом отвечала женщина.

–

Что нужно сделать, чтобы ты была счастлива?

–

Ничего.

–

Тогда как же ты станешь счастливой?

–

Не знаю.

–

Чего ты хочешь?

–

Ничего.

–

Как можно жить и ничего не хотеть? Ты со мной несчастна?

–

Отстань, – привычно успокоившись после беспокойства нелюбимого супруга, Оля отвернулась и заснула.

–

Мне сон приснился странный, – заявила за завтраком Мария Ивановна.

–

О чем? – тщательно разжевывая бутерброд с ветчиной и свежими домашними огурцами с дачи, интересовалась Вера. Ее манера жевать всех выводила из равновесия – оказавшиеся у женщины во рту продукты, долго и скрупулёзно перемалывалась в жидкую кашу с характерным собачим плямканьем. Процесс поглощения пищи занимал кучу времени и нервов окружающих.

–

Я иду по коридору и вижу в конце сидит мой Назар.

–

Каким он был? Папа редко к тебе приходит...

–

Сидит на табуретке вдали от меня в костюме сером, в котором хоронили, и пристально смотрит. Чистый, стрелки на брюках. Интересно, кто их там нагладил? И рубашка белая. Я ему: «Назар, ты чего здесь сидишь?» А табуретка, видно, неустойчивая, сидит и шатается. А он мне: «Тебя жду...»

–

А ты что? – Верочка наконец доела бутерброд и уставилась на маму.

–

А я отвечаю, что пока не могу. Тут у меня куча дел, дети, внуки. Постирать много накопилось за неделю, – глаза Марии Ивановны наполнились водой и женщина сглотнула.

–

И?

–

А он мне: «Я подожду, не спеши».

Мария Ивановна умерла два года. В голове у 72-летней женщины нашли опухоль. На излечение цистита гарантий не дают, а тут рак. Помимо лишнего в мозге у мамы имелся сахарный диабет, гипертония и проблемы с сердцем – пакет must have в ее возрасте и гарантированный отказ в операции.

Верочка не могла смириться с тем, что маму даже не попробуют вылечить. Она обивала пороги институтов, врачей, доцентов и государственных структур, посылающих ее к чертовой матери, но все же договорилась об операции без каких-либо гарантий. Женщина, которой не впервой стоять на коленях перед доктором, измотала светила хирургии настолько, что тот не просто назначил дату операции, но и согласовал с Верочкой протокол хирургического вмешательства. А что, смотреть дома у телевизора как мама отходит?

Марию Ивановну прооперировали, и та впала в кому. Сутками дети и внуки наблюдали полуживое тело в дорогостоящей, посему крайне вежливой клинике, где привозили на специальных каталках завтрак/обед/ужин, предназначенный пациенту. Пациент по объективным причинам довольствовался едой по трубкам, поэтому провизию поедали родственники. В горло казенные харчи особо никому не лезли, так как Верочка утешала всех ключевыми периодами после операции: то 3-тми сутки поворотные после операции, то 10-й день показательный, то 14-й решает вопрос о дальнейшем выздоровлении. Перечить «доктору» не хватало духу ни у кого, поэтому кивали, соглашались и ждали. Мария Ивановна не открыла глаза ни на 3-й день, ни на 203-й.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.